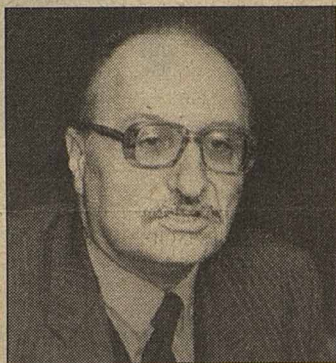

Общая газ.
1995-17 авг.-с.13

ЧТО БЫЛО

До Чехова — два рукопожатия

КАК-ТО все сошлось: очередная годовщина со дня смерти А.П. Чехова, и двухлетняя — со дня смерти В.Я. Лакшина, и пьеса, написанная Лакшиным о Чехове, а сыгранная актерами Липецкого драматического театра (славящегося своими чеховскими спектаклями) в Доме-музее Чехова, и, наконец, передача, снятая на этой основе и названная «Диалоги 1914 года» («Российские университеты», 15 августа).

В означенный 1914 год исполнилось десять лет после кончины Чехова, и персонажи пьесы, случайно сойдясь после панихиды за ресторанным столиком, предаются сумбурным (как и быть должно в застольной беседе), сбивчивым, пристрастным воспоминаниям о покойном, мешая порой правду и фантазии, путая реального человека и уже возникший к тому времени миф о нем. Четыре героя, четыре близких Чехову человека: друг детства — знаменитый актер Художественного театра Александр Вишневский, два литератора, которых в молодости — их и своей — Чехов опекал, и бывшая его возлюбленная Лика Мизинова.

Выбор персонажей таков, какой мог сделать только такой знаток Чехова, как Лакшин. Впрочем, и не в знании даже дело, а в

абсолютно точном ощущении Чехова-человека, с которым Владимир Яковлевич был (пользуясь его собственным выражением) «на расстоянии двух рукопожатий»: маленькому Володе не раз пожимал руку актер Вишневский, а тому, в свою очередь, когда-то Чехов. Для Владимира Яковлевича этот образ был очень важен (о чем в передаче напомнил главный режиссер Липецкого театра В. Пахомов) — неожиданным сближением, сокращением дистанции между нами и великим прошлым.

Так вот, герои: двое известных, двух других помнит, пожалуй, одни чеховеды. Но все четверо — в пьесе и спектакле — равно интересны, потому что каждому есть что сказать о Чехове, и они торпятся поделиться наболевшим, тем, что мучает, не отпускает с годами, поведать не для истории, как делают мемуаристы, а — не выбирая слов, взвзлб.

Собственно, перед нами — четыре взгляда на Чехова. Вишневский, типичный Актер Актеры в трактовке М. Ильина, представляет тип нерассуждающего, восторженного поклонника писателя. Лика (О. Овчинникова) — покинутая, любящая, все еще страдающая от ревности. Литератор Лазарев-Грузинский — спокойный аналитик, пытающийся понять для себя, каков же был «настоящий» Чехов, так и не открывшийся ему за долгие годы их знакомства. И самый неожиданный из этой четверки — журналист Николай Ежов, сегодня совершенно забытый, а в свое время шокировавший читающую публику своими злобными, почти клеветническими мемуарами о Чехове. В пьесе Лакшин ничего не говорит о том, сколько многим был обязан Ежов Чехову, хотя внимательный читатель чеховских писем, возможно, это помнит. (Кстати, спустя тридцать лет Ежов, уже старик, пытается реабилитировать себя, написав о Чехове с нежностью и

восхищением.) Но В. Пономарев абсолютно точно дает почувствовать драму маленького, жалкого человечка, предавшего своего друга и покровителя, его зависть, уязвленное самолюбие и скрытое раскаяние.

Из всей этой мешанины воспоминаний, из случайных, мелких, как бы незначительных фактиков и домыслов вдруг возникает живой Чехов, освобожденный от хрестоматийного глянца, от литературоведческого академизма. Тот Чехов, который от нас — на расстоянии нескольких рукопожатий. Ощущение это тем более отчетливо, что актеры играют не на сцене, а в «ресторане», наскоро устроенном в одной из комнат чеховского музея, где за соседними столиками сидят зрители.

У Владимира Яковлевича Лакшина был этот редкостный дар — возвращать нам «живых» классиков через книги: об Островском, Толстом, Чехове, через передачи, тоже в свою очередь ставшие классикой телевизионного искусства (их необходимо было бы повторять вновь и вновь). Телеспектакль «Диалоги 1914 года» — это как бы его прощальный, посмертный подарок. Впрочем, не последний: нас ждет еще фильм, снятый Никитой Михалковым по этой же пьесе.

Г. Ч.